

ГЛАВА 1

Первое, что увидел кладбищенский сторож, когда стал обходить небольшое кладбище за церковью Святого Себастьяна, — труп, который забыли захоронить.

Тело женщины лежало на могиле, головой она упиралась в надгробие, а руки были скрещены на животе. Покойница была такой же белой, как и окружающие ее семь гранитных надгробных плит. Сторож глубоко вздохнул, выронил лопату и перекрестился. Потом медленно приблизился к трупу и, отбрасывая тень, склонился над ним.

Где-то над головой закричала чайка, и покойница открыла глаза. Сторож повернулся и бросился через железные ворота в головокружительный лабиринт улиц Лос-Анджелеса.

Женщина взглянула в небо. Она не знала, где находится, но вокруг стояла тишина, а поскольку в голове у нее шумело, за эту тишину она была благодарна. Она попыталась вспомнить, как вообще сюда попала.

Она села, прикоснулась к надгробной плите и прищурилась, пока буквы не стали расплываться перед глазами. Затем встала и оперлась о плиту, чтобы не упасть. Потом она наклонилась и вырвала, схватившись за живот и сдерживая слезу от резкой боли, стучавшей в висках.

— Церковь, — произнесла она вслух, вздрогнув от собственного пронзительного голоса. — Это церковь.

Женщина подошла к воротам и взгляделась в поток проезжающих мимо машин и автобусов. Она отошла от церкви

всего на три шага и тут же поняла, что понятия не имеет, куда идти.

— Думай, — велела она себе. Потом прижала руку ко лбу и нащупала запекшуюся кровь. — Боже! — воскликнула она. Рука ее дрожала.

Она поискала платок в кармане жакета, поношенного короткого жакета со складками на талии, который не помнила, где купила, но вместо платка вытянула тюбик гигиенической помады и два доллара двадцать четыре цента мелочью. Она оглянулась на кладбище и пошарила глазами за надгробиями в поисках книги, рюкзака — какой-нибудь подсказки.

— Меня ограбили, — сказала она, вытирая лоб рукавом. — Должно быть, меня ограбили.

Она подбежала к дому приходского священника и забарабанила в дверь, но та оказалась закрыта. Она снова бросилась к воротам, намереваясь добраться до ближайшего полицейского участка и рассказать там, что с ней произошло. Она назовет свой адрес, позвонит домой...

Кому она позвонит?

Она взглянула на автобус, пыхтевший на остановке на углу. Она не знала, где находится. Не знала, где ближайший полицейский участок.

Она спряталась за кладбищенские ворота, где чувствовала себя в большей безопасности. Опустилась на колени рядом с могилой, на которой только что лежала, и прижалась лбом к прохладному надгробию. Решила, что священник, возможно, скоро вернется. А может, кто-нибудь будет проходить мимо и предложит ей помощь. Наверное, ей лучше оставаться на месте.

Кровь так застучала в висках, что казалось, голова сейчас расколется. Она опустилась на землю и снова легла, прижавшись к могильной плите и плотнее запахнув жакет, чтобы было не так холодно.

Она подождет.

Она открыла глаза в надежде найти ответ, но единственное, что увидела, — это небо, покрытое тучами, словно слякучками.

В Калифорнии мало простора.

Он ощущал это физически, словно удары молотка у основания шеи: боязнь замкнутого пространства, возникшую из-за свистящего под шинами автомобиля асфальта и домов-клетушек, понатыканных настолько плотно, что не хватало воздуха. Поэтому он продолжал ехать на запад, к океану, надеясь попасть туда до темноты. Он никогда не видел океан, знал его только по картинкам и рассказам родителей.

Он помнил истории, которые ему рассказывал отец, истории, которым он тогда не поверил, — об индейцах, которых в 1800-х годах бросили в тюрьму, а ночью они умерли, потому что не смогли пережить заточения.

Он вспомнил статистику Бюро по делам индейцев, которая утверждала, что шестьдесят шесть процентов покинувших резервацию индейцев возвращаются назад, поскольку не могут жить в городах. Конечно, он не был на сто процентов сиу¹. Но и белым на сто процентов не был.

Он почувствовал запах раньше, чем увидел сам океан: ветер донес до него соль волн. Он оставил ржавый подержанный пикап на обочине дороги и сбегал по покатою дюне. Он бежал, пока не намокли его кроссовки, пока вода, словно слезы, не запятнала верх его джинсов.

Закричала чайка.

Уильям Быстрый Конь стоял с распростертыми руками, не сводя глаз с Тихого океана, но вместо его глади видел пе-

¹ Племя североамериканских индейцев. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

стрые прерии и холмистые равнины Дакоты, которые не хотел считать своим домом.

Шоссе № 18 в индейской резервации Пайн-Ридж, штат Южная Дакота, вело прямо в город, а если необходимо было попасть куда-либо еще, ориентироваться следовало по природным приметам или давно брошенным автомобилям, потому что других дорог там немного. Но Уилл всего три дня как переехал в Лос-Анджелес и еще не разобрался, что к чему.

Он снимал в Резеде небольшой дом с террасой — относительно близко, так, чтобы не приходилось тратить много времени, добираясь до работы (полицейского участка Лос-Анджелеса), и довольно далеко, чтобы не чувствовать себя привязанным к участку. Выходить на работу ему полагалось только завтра — все документы о переводе были отправлены по почте, — и он планировал использовать выдавшееся свободное время, чтобы осмотреться в Лос-Анджелесе.

Уилл ударил кулаком по рулевому колесу. Где он, черт возьми, находится? Он пошарил по пассажирскому сиденью в поисках карты, которую швырнул туда несколько минут назад, и принялся всматриваться в крошечные красные нити дорог. Но верхний свет в салоне почти сразу перегорел, поэтому он вынужден был остановиться у обочины под уличным фонарем. В мягком полумраке взгляделся в карту.

— Черт! — выругался он. — Беверли-Хиллз. Я был здесь час назад.

Впервые за десятилетия он жалел, что в нем всего лишь половина индейской крови.

Он списывал неумение ориентироваться в пространстве на свою *wasicuŋ*¹ кровь. Всю жизнь он слышал истории об отце своего деда, который мог выследить чертова быка по

¹ Белый (язык лакота).

малейшему движению ветерка. А когда женщина, которую любил его отец, уехала, не сказав ни слова, разве он не скакал километры и километры, руководствуясь одной лишь интуицией? Разве по сравнению с этим найти автостраду в Сан-Диего не пара пустяков?

Однажды, когда Уилл был совсем маленьким, он пошел с бабушкой в лес собирать лекарственные растения. Он собирал те, на которые она ему показывала: кедровые шишки и кору, аир и дикий лакричник. Он всего лишь на мгновение отвернулся, а бабушка исчезла. Какое-то время Уилл бродил кругами, стараясь припомнить уроки отца об оставленных следах на сорванных листьях и сломанных ветках, пытаюсь уловить движение воздуха. Прошло несколько часов, прежде чем бабушка вернулась за ним, — он лежал, свернувшись калачиком, голодный и замерзший под наростом дуба. Она молча взяла его за руку и повела домой. Когда показалась небольшая деревянная хижина, бабушка повернулась и подняла голову Уилла за подбородок.

— Ты, — вздохнула она, — слишком бледнолицый.

Ему было всего десять, но в то мгновение он понял, что никогда не станет таким, как его предки. Для них и для всех окружающих он навсегда останется *iyeska*, полукровка. Все последующие двадцать пять лет он вел себя (насколько мог) как бледнолицый человек, решив, что если не может быть таким, как народ отца, то станет таким, как народ матери. Он с головой окунулся в учебу, чтобы иметь возможность поступить в колледж. Он разговаривал исключительно на английском, даже в доме бабушки и дедушки, где основным языком был язык лакота. Он кивал, когда белые начальники описывали народ сиу как ленивых алкоголиков, а если от чужих слов холодела кровь, он укутывался в плащ безразличия.

Что ж, теперь он был белым. Он покинул резервацию и не намерен был туда возвращаться, поэтому, чтобы сориентироваться в Беверли-Хиллз, он поступит так, как поступил бы